

Таня и Сталин

Как будто специально эта нежная, смешная и страшная история о любви, рифмующейся со смертью, появилась на сцене РАМТа к 50-летию со дня смерти Сталина. Первый вариант «Тани», написанный Алексеем Арбузовым в 1938 году, был поставлен впервые после полувекового перерыва Александром Пономаревым.

Текст первого варианта мало кому сегодня известен. Его второй акт, на первый взгляд, абсолютно одиозен. Переписав «Таню» после войны, Арбузов кардинально изменил именно второй акт, придумал психологически оправданный финал мелодрамы. Не буду утверждать, что второй, послевоенный вариант некогда культовой, говоря по-нынешнему, «Тани», знают все. Сегодня — уже нет.

Поэтому новый спектакль воспринимается многими вне расширительного контекста. Теряется двойной эффект, существенный для понимания спектакля, — одновременное существование разных возможностей развития судьбы героини, которое невольно возникает в сознании тех, кто знает «Таню»-2. Особенно теряет второй акт спектакля, решенный символически. Думаю, авангардиста Пономарева привлекла как раз социалистическая идеология

рушающих идиллию, раскидано в спектакле много. Есть и смыслообразующие, приобретающие откровенно зловещие черты: зубец Кремлевской стены, который возвышается на заднем плане и вдруг угрожающе, как броневик, выезжает вперед под трагически рваное оперное пение; кремлевская башенка со звездой — игрушка, приготовленная впрок для малыша, которая превращается после его смерти в могильный памятник. У него застывает Таня, и становится понятно, что это и ее могила.

Хотя общая тональность большинства сцен шутивно-лирическая, есть ощущение, что посыл создателей спектакля (художник Елена Мирошниченко, композитор Ярослав Фраёнов) был отнюдь не умилительный — это доброжелательная, но достаточно отстраненная готовность понять: каковы мотивы, в каких формах принимали другую действительность другие. Легкие и светлые герои — не шаржи, но и не реалистически воссозданные характеры. Это, скорее, правдоподобие, нежели правда, наброски, стилизации, набор оживших схем, показывающих возможные варианты отношения к жизни: Шаманова — самоуверждающаяся карьеристка; Герман и его друзья — молодая номенклатура, умные прагматики. Для Пушкина жизнь — божьей

живой человек среди симпатичных, но условных фигур своего времени есть.

На прозрачном занавесе — изысканные снежинки в виде пятиконечных звезд. Белая, легкая, ясная, появляясь на сцене Таня Дарья Семеновы. Она, похоже, даже моложе своей героини, но поразительно точно играет и внутреннюю раскованность непредсказуемой фантазерки, и резкий надлом женщины, жизнь которой кончается вместе с любовью мужчины, и трагедию матери, потерявшей ребенка.

Но при всех поворотах сюжета Таня остается свободна. Даже в самые счастливые минуты — тоскует. Это слышно в сбивчивом и живом исполнении «Шотландской песни» Бетховена, которая лейтмотивом проходит через спектакль. Тоскует потому, что мир и любовь Германа, как она догадывается, но не хочет верить, несовершенны. Таню — это прихотливое, нежное, непоседливое и непредсказуемое существо, упрекают в равнодушии. Кошущенно! Но в этом — ответная догадка окружающих, что Таня — чужая в их семье. Ей нет места в социальных рамках, среди людей, стремящихся принести пользу родине, бесконечно празднующих то Первомай, то 7 Ноября. От Тани требуют полезной жизненной энергии, а она —

Таня — Дарья Семенова

Фото: К. Горячев

второй половины пьесы Арбузова. Пономарев рифмует портрет Пушкина с портретом Сталина первого акта (37 год — столетие со дня смерти Пушкина, СМЕРТИ), заставляет китайца на богем забытой станции читать «Пророка» и размахивать при этом мухобойкой, превращает

молетному гостю московской квартиры, сколько сказочному персонажу, отказ от всего, что было, самозабвенное начало. Возможно, это предсмертный сон, от которого Таня никогда не проснется. Возможно — прививка жизни.

Именно прививку жизни

